

Анна Немеровская

«Когда мы были молодыми...»

“ Это было уже давно. Теперь Наденька уже замужем; ее выдали, или она сама вышла – это всё равно, за секретаря дворянской опеки, и теперь у нее уже трое детей. То, как мы вместе когда-то ходили на каток и как ветер доносил до нее слова «Я вас люблю, Наденька», не забыто; для нее теперь это самое счастливое, самое трогательное и прекрасное воспоминание в жизни... “ (А.П. Чехов. Шуточка)

Вадиму приснился сон. Такой прекрасный, светлый. Такой чудесный, возвышенный. Такой ностальгический... Он проснулся взволнованный, окрыленный. И даже улыбнулся, увидев свое помолодевшее лицо в зеркале.

*Горят отдаленные шпильки
Вечерних и светлых соборов,
И медля, и рея в сияньях,
Нисходит к зеркальным каналам
Незримая в воздухе ночь...*

*...И все, что прошло, только снилось,
Мы снова, как дети, с тобою,
Мы – светлый, затерянный остров
В спокойных морях сновидений,
Мы – остров на светлых волнах. (М.Лозинский)*

Существует такая практика самовнушения: надо повесить на видное место свой портрет в молодости. Постоянно, вернее, так часто, как только можно, смотреть на него и представлять себя именно такой молодой, здоровой и счастливой. Так говорила его покойная жена, но ей, видимо, это не помогло. А может, она смотрела на свои фотографии без энтузиазма, внутренне иронично относясь к этому, как к игре. Все мы скептики.

Но сейчас, утром, он действительно чувствовал себя молодым, красивым, здоровым и счастливым, как во сне – ведь во сне он именно таким видел себя. Себя и Иру, гуляющими по бульвару в тот самый день, счастливый день своей жизни. Почти 50 лет назад. Ну, если быть точным, 48 ... 48 или 49 – какая разница, жизнь прошла...

Вадим опять вспомнил жену. Он часто вспоминал ее словечки, привычки, представлял себе даже, какими словами она выскажет то или иное свое суждение – все-таки 40 лет совместной жизни... Жена бы обязательно сказала: раз приснился хороший сон, жди какого-то хорошего события или известия.

Прошел день, это было воскресенье, и ничего не случилось. Как всегда, домашние дела. Как всегда, позвонили дети, внуки. Дочка жила в Филадельфии, сын – в Нью-Джерси. Оба звали переехать к ним, но Вадим, пока работал, оставался в Бруклине. Обещал скоро уйти на пенсию, тогда подумает. На следующий день опять та же рутина: сабвей, Манхэттен, 20-й этаж, свой привычный кубик, работа, приносящая не только хороший доход, но и моральное удовлетворение, уважение сотрудников, самоуважение, наконец. Словом, работал увлеченно, не глядя на часы.

Вадим был программист. Причем, не скороспелой американской выпечки на 6-месячных курсах, а серьезной домашней выучки, с многолетним опытом. На работе его ценили и начальство, и сотрудники. И хотя возраст был давно уже пенсионный (Вадим называл себя "первый baby boomer", так как родился ровно через 9 месяцев после войны), никто его на пенсию не выдавливал, а, наоборот, просили работать и работать.

В соседних отделах работали "русские": Борис, который был на 10 лет моложе Вадима, и Светлана, точную дату рождения которой мы сказать не можем, потому что уже несколько лет

поряд она отмечала свое 35-летие. Не будем придирааться – Светлана была молодая женщина на фоне своих русскоязычных сослуживцев. Во время обеденного перерыва они спускались на 15-й этаж в кафешку, обедали вместе, болтали, обсуждали детей, семейные и рабочие проблемы, начальство, недостатки и достоинства американской жизни, советовались, где провести отпуск, делились новостями, обсуждали новые книги, фильмы - сами понимаете, о чем могут болтать интеллигентные "русские" американцы. Света была москвичкой, Борис приехал из Ленинграда, а Вадим - из Баку.

Иногда в перерыв Света выходила в магазин, как она называла, "за сейлом", уговаривала и мужчин пойти с ней за компанию, чтобы не было скучно. Накупала кучу вещей себе, мужу, дочке-подростку, назавтра сдавала то, что не подошло. В случае необходимости помогала и мужчинам подобрать подарки, поэтому они безропотно шли с ней, помогали тащить сумки. Хорошо, что такие походы совершались раз в месяц, чаще они бы не выдержали.

Все это я описываю, чтобы вы поняли, какие дружеские, теплые отношения были между этими людьми.

В этот день Света несколько раз внимательно всматривалась в Вадима, но ничего не говорила. После обеда разошлись по своим отделам. Света задержала Бориса:

– Вы не знаете, что случилось с Вадимом? Он сегодня какой-то не такой...

– Я ничего не заметил.

– Ну какие же вы, мужчины, нечуткие.

Прошел еще один день, и снова ничего не случилось. И еще один, и еще. Эйфория от сна постепенно таяла, но приятное чувство ожидания чего-то хорошего оставалось.

=====

Почти полвека назад Вадим был студентом 2 курса одного из престижных ВУЗов Баку.

В том, 1965 году, в город приехала выставка "Архитектура США". Ее развернули в одном из домов культуры, и поспешили туда, как говорится, и стар и млад. Терпеливо выстаивали по несколько часов в очереди. Но выставка стоила того, тем более, что каждый получал красивый журнал на русском языке, на глянцевой бумаге, с обалденными фотографиями, и, что самое главное, совершенно бесплатно. За порядком на выставке следили "дружинники" из горкома комсомола с красными повязками на рукавах.

Вадим с друзьями Фаиком и Леоном встали в очередь. Впереди них стояла милая, симпатичная девушка. В Баку в те годы считалось совершенно непристойным приличной девушке знакомиться на улице. Но это была не улица, а очередь на культурное мероприятие. Ребята спросили девушку, почему она одна. Она сказала, что договорилась встретиться здесь с подругой, но той почему-то нет, и это ее очень беспокоит, а выйти поискать подругу – жаль потерять очередь. Вадим постарался успокоить девушку. Подруга, наверное, опоздала и тоже стоит в очереди. Ему очень не хотелось, чтобы девушка ушла. Так и простояли вместе. Ребята болтали, шутили, стараясь произвести впечатление. Девушка держалась скромно, изредка вставляла в разговор несколько слов.

Наконец, подошла их очередь, получили по красочному журналу и вошли в холл. На выставке были развешаны огромные плакаты-фотографии существующих необычных зданий разного назначения и жилых комплексов, показаны современные тенденции в архитектуре, внутренняя планировка квартир с современной мебелью(!). Молодые американцы подводили к стендам, рассказывали, отвечали на вопросы по-русски, вызывая улыбки (иногда и смех) своим сильным акцентом и неправильными оборотами. Вопросов было мало. Зрители были настолько изумлены этой красотой, что не знали, что спросить.

Разглядывали не только экспонаты, но и американцев. Какие они простые, раскованные, но (ой-ой-ой!) как плохо одеты! Дружинники с красными повязками на пиджачках, при галстучках, в беленьких выглаженных рубашках выглядели нарядными женихами, а эти американцы были похожи на простых рабочих. Как же они не могли приодеться? Это их выход на люди, в другой

стране, это, в конце концов, престиж Америки, впервые представленной здесь. А им, видимо, все равно, во что быть одетыми.

Это был 1965 год. Хиппи. Движение такое среди молодежи. Теоретически мы о нем слышали...

Когда подошли к внутренней планировке квартир, молодая американка, довольно хорошо говорящая по-русски, рассказала о диванах и кроватях, которые убираются в шкаф, и тогда в небольшой комнате днем становится просторнее. Потом она настойчиво предлагала задавать вопросы. Фаик, самый активный из всей троицы, спросил:

– Скажите, откуда вы так хорошо знаете русский язык?

Американка засмеялась:

– Все задают the same вопрос. Вас не интересует выставка? Только мой русский язык? Я скажу. Мой бабушка, то есть, excuse me, моя бабушка была русская. Она говорила со мной по-русскому. А сейчас я учу русски в колледж.

Вся женская половина зрителей обратила внимание, что американка была совершенно не накрашена. Все уже привыкли к слегка подведенным глазкам, губной помаде, румянам (самую малость, чтобы не походить на раскрашенную матрешку), одним словом, к ненавязчивому макияжу перед выходом из дому, так же, как и к чистой, выглаженной одежде – необходимым атрибутам современной приличной женщины. А у этой американки не только не замазаны маленькие прыщики на подбородке, у нее на чулке была дырка(!). На коленке. На видном месте.

Американка с улыбкой оглядывала аудиторию.

– Еще ест вопросы?

Девушка, стоящая рядом с Вадимом, подняла руку, как в школе:

– Скажите, пожалуйста, вот ни в одной комнате на выставке нет платяного шкафа. Почему? Может, американцы уделяют мало внимания своему гардеробу? При этом она выразительно посмотрела на дырку на американской коленке.

Ребята обрадовались – какой хороший вопрос! Как у Маяковского: "У советских собственная гордость".

– В планировке большинства наших квартир есть встроенные стенные шкафы, – спокойно, с неизменной улыбкой ответила американка, – но кто хочет, может поставить дополнительные шкафы. Просто не стоит загромождать комнату.

После выставки ребята пошли провожать девушку. Завязался спор об архитектуре культовых зданий. В каталоге был такой раздел. Девушка не одобрила совершенно нетрадиционный, невиданный дизайн церковей, костелов на фотографиях в каталоге. Левон стал возражать ей, просто, чтобы поспорить. Ведь если архитектурный стиль гражданских зданий, говорил он, меняется сообразно веяниям моды, то почему церковь, в которую ходят современные люди, не должна учитывать сегодняшние тенденции в архитектуре? Религиозные иерархи тоже не хотят отставать от жизни общества. Девушка не соглашалась, она считала, что старинный, торжественный стиль создает то эмоциональное состояние, в котором должен находиться прихожанин. А Вадим молчал, он любовался девушкой.

Фаик быстро это понял, подмигнул Левону, и они отвалили. Вадим гулял с девушкой весь день до вечера. Проводил до дома и никак не мог расстаться. Девушка написала на бумажке свой номер телефона, протянула бумажку и с улыбкой сказал:

– Между прочим, меня зовут Ира.

– А я – Вадим.

Оба рассмеялись и почувствовали, что этот смех сближает их.

Был тихий час. У ног шумел прибор.

Ты улыбнулась, молвив на прощанье:

"Мы встретимся... До нового свиданья..."

То был обман. И знали мы с тобой,

что навсегда в тот вечер мы прощались.

Пунцовым пламенем зарделись небеса.

На корабле надулись паруса.

Над морем крики чаек раздавались. (А.Белый)

=====
Домой Вадим примчался, как говорится, на крыльях, но увидел маму, скорчившуюся на кровати, и сердце его похолодело.

Ночью он отвез маму в больницу им. Семашко. В приемной он слышал, как медсестра спросила маму:

- Когда последний раз были у гинеколога?
- Когда сына родила, – грустно усмехнулась мама.
- Безобразие, как можно так о себе не заботиться!

И маму увезли. Всю ночь Вадим просидел в коридоре больницы, ожидая решения врачей. Утром маму прооперировали. Хирург после операции ничего не сказал, только похлопал по плечу, мол, крепитесь, молодой человек.

Потом он узнал, что операция была предельно простой – открыли, посмотрели, все было настолько неоперабельно, что сразу снова зашили.

Как Вадим ухаживал за мамой, может представить себе только тот, кто сам прошел через это. Иногда приходили помочь мамины подруги, заходили соседки. Вадим не отходил от мамы ни на шаг. Через два месяца маму похоронили. Вадим остался совсем один. Если бы не верные друзья, кто знает, как бы он выдержал... Он перевелся на вечерний, устроился работать на завод.

А бумажку с Ирочкиным телефоном не нашел. Видимо, кто-то, убирая квартиру после похорон, выбросил с мусором.

Группа, в которой они учились, была очень дружной, вместе отмечали все праздники, дни рождения. Вадим оставался для них своим и после перевода на вечерний.

Друзья... Хорошо иметь друзей, которые тебя понимают, которые всегда придут на помощь. Так как Вадим днем работал, поисками девушки Иры занялись Фаик и Левон. Она сказала, что учится в университете – это запомнили все. А Левону показалось, будто она упомянула биологический факультет. Ребята составили расписание и, в свободное от своих занятий время, обходили каждую группу, начиная с первого курса, заглядывая в каждую аудиторию. Записывали номера уже проверенных аудиторий, потом перешли ко второму курсу. Больше не было ни сил, ни времени. Самое обидное, если она не была на занятиях как раз в тот день, когда в ее группу приходили ребята. А может, она не училась в АГУ, может, все сочинила?...

Через полгода работы Вадиму полагался недельный отпуск. Решили искать ее по месту жительства. Вадим не мог найти ее дом. Он помнил: от бульвара они шли по улице Самеда Вургуня вверх, потом по пересекающей ее улице Льва Толстого прошли еще немного и повернули направо. А там узкие улицы, старые дома, все похожие друг на друга – Вадим ведь смотрел на Иру, а не на названия улиц...

Зашли в какой-то двор, Фаик поймал за шкирку пробегающего пацана:

- Ты в этом доме живешь?
- Да.
- У вас живет девушка Ира, молодая, симпатичная?

Пацан махнул рукой, призывая их следовать за ним. Вышел на середину двора и заорал, что было сил:

- Ира, выходи, к тебе женихи пришли.

И, хитро сверкнув глазами, драпанул, чтобы не схлопотать подзатыльник. Немедленно из открытых окон стали высовываться любопытные лица. Ребята внимательно оглядели всех, тяжело вздохнули и, сохраняя достоинство, медленно удалились. У самых ворот их догнала девушка с румянцем смущения на щеках. Но это была не Ира.

- Вы кто такие? Зачем пришли? Я – Ирина.

Друзья, торопясь, сбивчиво объяснили ситуацию.

– Не знаю даже, как вам помочь. В соседнем дворе живет Ира, но она... как бы сказать... немного... сильно толстая. На соседней улице раньше жила Ира, но они переехали. А больше я не припомню, я же не всех знаю.

– Спасибо, извините за беспокойство.

– Ладно, желаю удачи.

Ходить по другим дворам и компрометировать всех окрестных Ирин больше не было желания.

=====

Шли годы. Тоска по маме со временем осела тяжелым грузом где-то в области солнечного сплетения.

В 1968 году Вадим успешно окончил ВУЗ, продолжал работать на заводе, продвигаясь по служебной лестнице. Внедрял АСУ (Автоматизированные Системы Управления). В 1973 году женился. Ева была мягкая, теплая, внешне похожая на его маму. Родились дети. Конечно, изредка он вспоминал тот чудесный день, проведенный с Ирой, но воспоминания эти бледнели с годами.

Вскоре в Баку начали строить завод бытовых кондиционеров под руководством японской фирмы **Hitachi** и по ее лицензии. Вадим перешел работать на этот завод. Он быстро освоил премудрости программного обеспечения, увлекся программированием. Его очень ценили на работе. В 1977 завод торжественно открыли, а уже в середине 80-х он производил до полумиллиона бытовых кондиционеров в год.

Продукция Бакинского завода пользовалась популярностью на всей территории Советского Союза, и не только. Около 150 тысяч кондиционеров каждый год производили на экспорт. Основным импортером была Куба, покупали также Иран, Египет, Китай и Австралия. Вадим был горд, что в этих добротных, высокого качества аппаратах была частица его труда.

Потом Великий Могучий Советский Союз начал распадаться, калеча при этом человеческие судьбы. Почти, как в песне: "Союз нерушимый попал под машиину".

1988 год. Избиения армян на улицах Баку, погромы. Фаик спрятал, а потом с трудом вывез всю семью Левона за пределы республики. Вскоре семья оказалась в Москве, но и там не смогла прижиться, подвергаясь невыносимым гонениям – на работе Левона уважали, а на улице оскорбляли за черные волосы, черные глаза, выдающийся нос. Одни, из числа фашиствующих молодчиков, считали его похожим на еврея и обзывали соответствующим прозвищем, другие кричали ему в лицо мерзкие синонимы “политкорректных” слов “лицо кавказской национальности” и низкительно издевались над ним. Последней каплей стало нападение в метро молодых парней-нацистов на его красивую черноглазую дочку. До самого страшного не дошло,

Бог спас (при полном бездействии милиции!). Но после этого он запретил своим домашним вообще выходить из дому. И вскоре с семьей уехал совсем.

В Шереметьево-2 после прохождения таможни он поднял правую руку и громко сказал: "Торжественно клянусь, что ни я, ни мои дети, ни мои внуки никогда не пересекут эту границу обратно". Люди вокруг, услышав эти слова, реагировали по-разному – кто удивленно-равнодушно, кто с пониманием и поддержкой, кто с горечью и стыдом, сообразно тому, как они себя здесь ощущали.

Прошло полгода неизвестности. И, наконец, друзья получили весточку от Левона. Какими-то хитрыми путями ему удалось зацепиться аж в Амстердаме. Купил там небольшой бизнес по ремонту бытовой техники.

Национальное противостояние в республике настолько накалилось, что оставаться было невозможно не только армянам. В конце того же 1988 года Вадим со своей семьей, тещей, тестем, шурином и его семьей уехал в Америку.

Не сразу, но его взяли на работу в большую фирму, где, вопреки американским традициям менять работу каждые 5-7 лет, проработал все эти годы, другого места не искал. Жена работала бухгалтером, дети росли, колледж, свадьбы, отдых в Мексике, в Карловых Варах, внуки – все, как положено по заведенному эмигрантскому статусу...

=====

И вот, спустя много лет, в 2005-м году Вадим с женой поехали в Баку через Амстердам, провели 5 дней с Левоном и его семьей. В Баку их радостно встретил Фаик.

Погоуляли по старым местам, повидались со старыми друзьями и сослуживцами, были на кладбище. Пошел Вадим и на завод кондиционеров. Кое-кто из старых работников еще помнил его. Смотреть на любимое предприятие было грустно. После распада Советского Союза изготовление кондиционеров на Бакинском заводе сократилось, лучшие специалисты разъехались, и с 1998 года предприятие занимается ремонтом и сервисным обслуживанием техники.

Новый директор любезно пожал руку Вадиму, но говорить в общем-то было не о чем. Вадим рассказал, что несколько лет назад видел по телеку сюжет о жизни фермера в Австралии, в котором тот хвастался, что сосед за 20 лет поменял три кондиционера "Toshiba", а его БК ("Бакинский Кондиционер") как работал, так и работает. Умели ведь делать! Ведь работают до сих

пор! Как ему, Вадиму, было приятно это слышать! Директор растаял от умиления, долго жал руку, приглашал к себе на дачу на шашлык, но Вадим сказал, что завтра улетает. Оба, расставшись, облегченно вздохнули.

И с Левкой в Амстердаме, и потом с Фаиком в Баку, оставив жен болтать на кухне, они вспоминали американскую выставку, и девушку Иру, и поиски ее. Как странно – за столько лет не встретить ее ни в кино, ни в театре, ни на концерте, ни на бульваре, ни просто на улице... С другой стороны, в городе полтора миллиона человек...

=====

Итак, возвратимся к тому приятному сновидению ранней весной, которое подняло Вадиму настроение. Во сне он видел во всех подробностях и тот день, и выставку, и их гулянье по бульвару, разговоры, споры, свое удивление нестандартностью ее мышления, помнил, какие стихи она ему читала, как лукаво смотрела, когда приводила какой-то контрдовод на его высказывание... Слышал ее голос. Вспомнил абсолютно все, как будто ему прокрутили старую киноплёнку. Не было ни грустно, ни тоскливо, как тогда, когда искал ее. Он даже улыбался – это были приятные воспоминания. А факт, что они больше никогда не встретились – что ж, значит, не судьба.

*Проснулась я... Сомненье навеяло,
Осенний день глядел в мое окно,
И дождь шумел по крыше, напевая,
Что жизнь прошла и что мечтать смешно!..* (Тэффи)

Через неделю вечером раздался телефонный звонок.

– Здравствуйте, извините, пожалуйста, за беспокойство, - сказал очень милый, вежливый женский голос, – можно попросить к телефону Гюльнару?

Вадим растерянно молчал.

– Вы меня слышите?

Вадим пытался что-то сказать, но получилось бессвязное мычание. Он узнал – это был ее голос! Узнал бы он его, если бы не недавний сон? Все-таки прошло столько лет... Наверно, это был сон-подсказка Свыше, сон-напоминание.

– Здесь нет Гюльнары, – с трудом выдавил он.

– Не кладите, пожалуйста, трубку, – воскликнули оба одновременно.

– Понимаете, мне позвонила некая Гюля, которая приехала в Нью-Йорк из Баку в гости и привезла мне посылку от моей подруги. Она оставила этот телефон, чтобы мы могли договориться о встрече. Как я теперь ее найду?

– Не кладите, пожалуйста, трубку, – повторил Вадим, – Ира, это ты?

Долгое молчание...

– Да, это я.

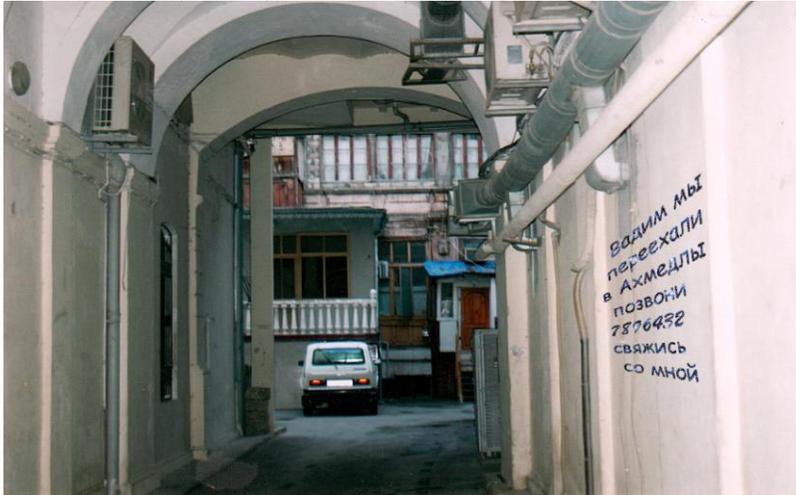
– Я столько времени искал тебя!...

Опускаю описание их разговора. Эмоционально история Иры была очень похожа на его собственную, когда он искал ее – каждый день она ждала звонка, а его все не было...

Ира понимала, что Вадим должен позвонить. После так чудесно проведенного дня не могло быть иначе – он должен позвонить! Может, не дай Бог, что-то случилось?...

А через два месяца они переехали в Ахмедлы – район новостроек. Если Вадим потерял номер ее телефона, то, наверное, придет искать ее дом, он ведь проводил ее и знает подъезд.

Она написала углем на побеленной стене: "Вадим, мы переехали в Ахмедлы, позвони моей тете - xxx-xxxx, свяжись со мной". Что еще она могла придумать? А в АГУ она действительно не училась, не прошла по конкурсу, училась в педагогическом техникуме. А ребятам наврала... Вот и все. (Маленькая ложь ей же коварно подставила ножку...)

Она тоже вышла замуж в 1973-м и тоже уехала из Баку примерно в те же годы, что и Вадим. Трое детей, пятеро внуков, все живут в Квинсе.

Через час разговора он услышал требовательный детский плач.

Ира заторопилась:

– Я тебе позвоню на днях, у меня теперь есть твой телефон.

=====

На следующий день на работе Света опять упросила мужчин пойти в магазин. Вадим послушно по привычке пошел, но мыслями был далеко, не с ними, потерял их из вида, один вернулся на работу. В конце рабочего дня Света притащила Бориса к Вадиму в кубик.

– Вадим, мы видим, – торжественно начала она, – что с вами что-то происходит. Может, мы могли бы вам чем-то помочь? Рассказывайте, нельзя в себе держать проблему. У кого нет друзей, те ходят к психотерапевту.

Посмотрела на Бориса, ища поддержки. Тот согласно кивнул.

– Спасибо, друзья, ничего страшного, серьезного или трагического со мной не происходит.

Просто воспоминания молодости нахлынули, – улыбнулся Вадим.

И рассказал свою историю, в которой не было ничего такого секретно-интимного, о чем нельзя было бы рассказать товарищам.

– Ах, как романтично, – всплеснула руками Света. Потом деловито уточнила, – у нее есть муж?

– Не знаю, но мне показалось странным, что она говорила "я" там, где замужняя женщина обычно говорит "мы". Я не стал спрашивать. А что ты скажешь? – обратился он к Борису.

Хотя Борис и был на 10 лет моложе, эта разница не чувствовалась, и даже в некоторых практически-жизненных случаях Вадим спрашивал его совета.

– Уже поздно, домой пора, – уклонился от ответа Борис. – Завтра поговорим. Знаешь, принеси свои фотографии того времени, какие-нибудь студенческие фотки.

– Зачем?

– Завтра, завтра, – Борис торопился, как бы не опоздать на электричку в Лонг-Айленд.

Вечером Вадим перебирал фотографии. Какие воспоминания они будили! Вот они, три друга, все стройные, молодые. Последние годы они часто общались по "скайпу". Левка поправился больше всех, такое пузо у него смешное! Фаик весь седой, но еще ничего, женщины на него поглядывают... и он на них. А он, Вадим, лысый. За долгие годы он привык к своей лысине, но, увидев свои старые фотографии, погрузился. Особенно долго задержался на свадебных фотографиях. Ах, Ева, Евочка, что же ты наделала – мы же договорились умереть в один день!...

Назавтра друзья-товарищи-сослуживцы собрались за своим столиком в кафе на 15 этаже.

– Она звонила? – Света не сдерживала любопытства.

– Нет.

– Ничего, сегодня вечером или завтра позвонит. Или поближе к викенду. Так вот, я принесла вам адрес шикарного ресторана в Манхэттене. Там такой полумрак, интим, тихая музыка, пианист играет... Идти надо только туда. И галстучек новый я вам подберу.

Света была похожа на старшую сестру, отправляющую младшего брата на первое свидание. Мужчины одновременно улыбнулись, но обижать ее не хотели, ведь она так старалась.

Вадим вопросительно смотрел на Бориса.

– Телефон ее не спрашивай, в гости не напрашивайся, активность не проявляй, никуда не приглашай. Ну, уж если она сама позовет, то, делать нечего, придется идти.

– Но почему?! – воскликнула Света так громко, что на них оглянулись.

– Фото принес?

Борис взял фотографию и, взглянув на нее, протянул Свете:

– Смотри, это в наше время было очень популярное вокально-инструментальное трио, – схитрил он и подмигнул Вадиму. – Ребята такие хиты пели – закачаешься! Нравятся?

– Очень, – Света с интересом разглядывала снимок и показала на молодого Левончика, – особенно этот.

– Ну, что, понял? – обратился он к Вадиму, – она тебя даже не узнала. И эта Ира твоя тебя не узнает, и ты ее не узнаешь. Тебе это нужно?

– Ой, неужели это вы, Вадим? – догадалась Света и покраснела, смутившись.

И тогда Борис рассказал свою аналогичную историю.

=====

С первого класса он сидел за одной партой с девочкой, и они обожали друг друга. Жили близко. Вместе в школу, весь день рядом, на продленке вместе, домой вместе. И даже летом требовали, чтобы родители отправляли их в один лагерь. После 7-го класса ее родители переехали в другую часть города и перевели ее в другую школу, поближе к дому. Это была настоящая трагедия, слезы, истерика... Они встречались по воскресеньям в библиотеке, на полпути между их домами. Так прошла половина учебного года 8-го класса. Потом наступила холодная, снежная зима, и встречи стали реже. А весной он был приглашен к ней на день рожденья. Ребят было много, весь ее новый класс. Ему показалось, что она уделяет ему мало внимания, обиделся, приревновал к кому-то. Прошло лето, и в 9-м классе они уже не встречались.

Мой друг, есть радость и любовь,

Есть все, что будет вновь и вновь,

Хотя в других сердцах, не в наших. (Константин Бальмонт)

Прошло много лет.

– Как-то в нашей компании зашел спор о сайте "одноклассники". Люди постарше советовали нам не регистрироваться на этом сайте – его КГБ отслеживает. Я распузырился: “Да ну, говорю, какая ерунда! Что вы всего боитесь, везде вам чудится недремлющее око майора Пронина”. (Все-таки большая разница между детьми “оттепели” и теми, кто еще застал “крещенские морозы” в нашей стране...)

– Тут же, в знак протеста, я зарегистрировался на этом сайте. И что вы думаете, все сразу бросились на **моем** компьютере искать **своих** одноклассников и сокурсников... Ну, да ладно, Бог с ними. Через некоторое время находит меня эта самая девчонка, выставляет свою фотографию того давнего времени. Пишет, что живет в Бостоне с дочкой и внучкой, что купила путевку на два дня в Нью-Йорк, чтобы показать внучке столицу мира, хочет увидиться и сообщила адрес гостиницы.

Я ей отвечаю, что мы с женой приглашаем их на обед, но она отказалась – мол, внучке неинтересно будет сидеть с нами, не хочет пропускать экскурсии. Приходи в гостиницу, пообщаемся с часок и ладно.

Приехал я пораньше, с букетом, сижу в холле, жду, разглядываю проходящих дам. Вообще-то, признаюсь, я смотрю на женщин весьма специфически. Вам этого не понять. А дело в том, что я поздний ребенок в семье, и все мои родственники с обеих сторон портные во многих поколениях. Поэтому учить меня портняжному искусству с детских лет было естественно для семьи. Конечно, сейчас я костюм вам не сошью, квалификация уже не та, но толк в хорошем шитье понимаю. И когда я смотрю на женщину, то сначала вижу, насколько хорош покрой ее платья или пальто, потом, насколько аккуратно оно сшито, и уж под конец – на ее ножки и, пардон, бюст.

Света смотрела на него, раскрыв рот.

– Не удивляйся, Светочка. Все же знают, что лучшие портные, как и повара, – мужчины. И хоть новые изделия не шью, но дома нагружают – разные переделки для жены, дочки, а теперь и для невестки и внучек. То им укороти, то удлини, то ушей, то замок-молнию новую вставь... Словом, дома меня часто, как здесь говорят, "юзают".

Ну так вот, когда я вижу юбку с одной стороны длиннее, чем с другой, меня просто трясет от возмущения. Посудите сами – если, например, у женщины есть небольшой животик, то юбка из магазина спереди будет чуть короче. Так подшей ее немного сзади, приведи к одной длине. Или, наоборот, у нее выдающаяся, опять же пардон, попа. Так подшей юбку спереди. Это же так просто! Но самое отвратительное, когда живот и попа выдаются примерно одинаково, а юбка задрана сзади.

И вот я вижу, стоит в середине зала дама средней упитанности с разноцветными волосами (под крашеными уже отросли свои, полуседые), и спереди юбка у нее ниже колен, а сзади – выше(!)...

Я продолжаю оглядываться, выискивая глазами молодую, красивую девушку, ведь я помню ее 15-летней, какой видел ее в последний раз. В это время к этой даме походит девочка лет 11-12, эдакая избалованная, противная американская девица, и, жуя жвачку, тянет:

– Ну, давай, Нина... Let's go...

И тут я с ужасом понимаю, что это она самая, моя Нина. Я встал и бочком-бочком хотел выскользнуть из холла, но не тут-то было. Дамочка бросилась ко мне с юным визгом радости:

– Борька, как я рада тебя видеть!

Вне ее бытия люди с вещами сновали.

Вдруг, над толпой возвышаясь, седой человек прошел

С букетом немислимых роз. И вспышкой – узнаванье.

И ударами сердца – неузнаванья шок. (Елена Литинская)

Повел я их с внучкой в кафе там, недалеко. Внучка тряслась под музыку в наушниках и не мешала нам разговаривать. Но тем общих не было. Поговорили... Пытались вспомнить одноклассников, но ведь она ушла из нашей школы после 7-го класса, у нее образовались новые друзья. Поняв, что говорить не о чем, она с потрясающей бесхитростной, наивной простотой рассказала, что после двух разводов ищет нового мужа. Сначала "прочесывает" сайт "Одноклассники", ищет, кто из знакомых не женат. Если не получится, тогда обратится в русское брачное агентство.

Как я был рад, когда мы, наконец, расстались!... Как я был расстроен этой встречей!... Такие были прекрасные, трогательные, нежные воспоминания!... А сейчас что? Так вот, не встречайся с ней, Вадим.

Света уже закрыла рот, но в ее глазах читалось крайнее изумление.

– Я никогда не думала об этом. Каждый раз, когда я прилетаю в Москву, всегда встречаюсь со всеми друзьями молодости.

– Милая Светочка, во-первых, ты молодая, во-вторых, ты видишься со своими друзьями каждые 2-3 года. То есть вы стареете... ой, прости, пожалуйста, дамам, кажется, так не говорят, – с доброй улыбкой и кро-о-шечной долей иронии поправил себя Борис. – Правильнее сказать – “взрослеете” одновременно, и поэтому самим вам это не очень заметно.

На следующий день Света, не дождавшись перерыва, прибежала к Вадиму:

– Звонила?

– Нет.

– Ну, ладно, встретимся в кафешке.

Когда Вадим спустился на 15-й этаж, друзья уже ждали его.

– Рассказывай, Вадим Маркович, о чем думал и что надумал, – спросил Борис, уже информированный Светой о том, что звонка от Ирины не было. – Есть вариант, что она вообще не позвонит.

– Как! Такого не может быть! Она обязательно позвонит! – заерзала Света.

– Не скажи, Светик, не скажи. Может, у нее ревнивый муж, может, трезво смотрит на себя в зеркало – постарела, морщины, мешки под глазами... А может, она лелеет и бережет эти воспоминания как самое дорогое, что у нее было в жизни, как Наденька в рассказе Чехова, ну, не помню названия... в общем, про воспоминания юности. Может, она тоже боится разочарований? И вообще, зачем это надо?

– Все, что ты вчера сказал, – медленно начал Вадим, – во многом верно. Я вспоминаю нашу поездку в Баку в 2005. Жена Фаика училась в параллельной группе и знала всех наших "мальчиков и девочек". Она устроила грандиозный обед, пригласила всех сокурсников. Фаик заранее списался со всеми, кто разъехался после ВУЗа. С некоторыми мы не виделись, страшно сказать, 37 лет. Все, кто смог, приехали. Армяне не приехали, но прислали диски с приветствиями, и мы увидели их с женами, детьми. Из Амстердама мы привезли видеозапись наших встреч с Левкой. "Мальчики", жившие в Баку, пришли все, а из "девочек" – только одна Рена, наша староста. Фаик объяснил, что, как они с женой ни уговаривали "девичат", те – ни в какую. Мол, мы постарели и поправились и не хотим такими предстать перед Вадимом и другими гостями.

Мы с Евой тогда удивились. Не хотят показать себя постаревшими? И это настолько важнее встречи с друзьями юности, что перевесило женское любопытство – узнать, а какими же стали мы?

Седые ели... Седые пили

И вспоминали, какими были...

На лбах морщины... В глазах склероз.

Всех будоражил немой вопрос:

"Что с нами стало за эти годы?"

И кто все эти, вокруг, уроды?

Седые тётки – подруги детства?

А дед напротив – пацан соседский?"

.....

Мы вкусно ели, и много пили...

Мы пели песни – довольны были...

Но каждый думал: "ВЕЛИКИЙ БОЖЕ!!!"

А я ведь тоже с такою рожей!»

(Дмитрий Фаер. Встреча одноклассников)

- Ты говоришь, что лучше не встречаться. А если она позвонит, то будет же как-то неудобно, придется встретиться...

- Да уж, ситуация щепетильная... Если она сама предложит встретиться, придется идти. Но сам не форсируй...

=====

Пытаться ее разыскать и увидеть – или нет? That is the question!

Февраль 2013